

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.631) «19»
ББК 63.3(2 Рос. Као) 6
А 92

Т.И. Атаев,
аспирант кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, тел.: +79187150782, e-mail: r_begeul@mail.ru

ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИШЕНИЯ ЧАСТИ КАРАЧАЕВЦЕВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЯ (1926–1936 гг.)

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена процессу трансформации социального статуса жителей Карачаевской автономной области, лишенных избирательных прав в период 1926–1936 гг. В статье рассматривается практика работы советских органов власти и избирательных комиссий по вопросам лишения данного вида прав, анализируются основные последствия этой репрессивной меры: социально-экономические, правовые и психологические.

Ключевые слова: советская власть, Конституция, Карачаевская автономная область, лишение избирательных прав, избирательная комиссия, дискриминация, правовые ограничения.

T.I. Atayev,
Post-graduate student of Department of History of Russia of Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, ph.: +79187150782, e-mail: r_begeul@mail.ru

LEGAL, SOCIAL AND ECONOMIC EFFECTS OF DISFRANCHISEMENT OF PART OF KARACHAYS IN THE KARACHAY AREA (1926–1936)

Abstract. The paper describes the transformation process of the social status of the residents of the Karachay Autonomous Region deprived of electoral rights during 1926–1936. The work of the Soviet authorities and Election Commissions is analyzed concerning deprivation of this type of the rights and the main effects of this repressive measure: social, economic, legal and psychological.

Keywords: Soviet power, Constitution, Karachay Autonomous Region, disfranchisement, election commission, discrimination, legal restrictions.

Приход к власти в России в 1917 г. большевиков ознаменовал собой коренной слом всего государственного и общественно-политического строя. Формируя новую политическую реальность, в которой главенствующая роль отводилась советской власти, руководимой большевиками, новые правители страны вели активную

деятельность по созданию собственной системы общественных отношений.

В этой системе главенствующая роль должна была принадлежать, хотя бы и декларативно, тем социальным низам, которые при предыдущем режиме были удалены от властных рычагов. Взяв за основу лозунг «Кто был никем, тот станет всем» из «Интернационала», большевики в лице В.И. Ленина еще до прихода к власти заявили: «Мы ... требуем немедленного разрыва с тем предразсудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники» [1]. Привлекая во властные органы пролетариев и люмпенизированное крестьянство, как априори, более преданные слои населения, советская власть юридически закрепила в своих документах правовую дискриминацию граждан по социальному признаку.

В первой Конституции РСФСР, принятой в разгар Гражданской войны 10.07.1918 г., данное направление государственной политики было выражено предельно ясно: «...теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам...». Именно пытаясь обеспечить концентрацию власти в руках трудящихся, государство законодательно лишило часть своих граждан права избирать и быть избранными. В ст. 23 Конституции отмечалось: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» [2].

Именно основываясь на подобных законоположениях, строили

свою политику в области избирательного права и региональные власти, в том числе в Карачае (Карачаевской автономной области). Уже на первых выборах в Карачаевском округе Горской АССР, проведенных на основе Конституции 1918 г., представители властных структур настаивали на немедленном удалении из состава Хурзукского аульного совета представителей аристократии и зажиточных слоев населения [3].

Однако необходимость восстановления разрушенной в годы Гражданской войны экономики заставила руководство страны объявить о переходе к новой экономической политике (НЭП) с характерной для нее либерализацией экономической и общественной жизни.

Это доказывает и анализ имеющихся в наличии документов выборных кампаний 1923–1926 гг., когда нередко были случаи избрания в аульные советы представителей княжеских фамилий (Крымшамхаловых, Дудовых) [4].

Однако уже в выборную кампанию 1926–1927 гг. власть, обеспокоенная резким сокращением числа бедноты в советах, приняла решение о расширении списка категорий граждан, подлежащих лишению избирательных прав. Неслучайно количество лишенцев в 1927 г. возросло в Карачае в несколько раз.

«Чистки» советского аппарата, начавшиеся с осени 1928 г. и продолжавшиеся в течение последующих лет, позволили местной власти отстранить от участия в общественной жизни «лишенцев».

Другой важнейшей задачей по представлениям большевиков должно было стать резкое снижение социального статуса и экономического могущества зажиточного крестьянства. В этой связи в национальных областях (*например, таких как Карачай – Т.А.*) экономические последствия лишения избирательных прав ощущались намного острее, чем политические.

Последовательно лишая наиболее экономически активную часть сельчан земельных угодий, средств производства, недвижимости и скота, власти добились практически полной люмпенизации бывших кулаков и середняков. Об этом свидетельствуют архивные документы – списки лишенцев 1935 г. Так, в графе «Имущественное положение» из девяти семей, лишенных прав по с. Хасаут Малокарачаевского района, у восьми из них в пунктах, касавшихся имущества, указано «нет ничего», и лишь у одной было отмечено: «имеет 1 корову с телком». Подобная же ситуация сложилась и в других селениях района, в котором еще с дореволюционных времен сконцентрировалась наиболее предприимчивая и зажиточная часть карачаевцев. Из более чем ста семейств лишенцев в районе лишь у шести семей имелось имущество, заключавшееся, чаще всего, в одной корове [5]. Кульминацией политики «ликвидации кулачества как класса» в Карачае стали массовая высылка кулацких семейств первоначально в степные районы Ставрополя (1932–1933 гг.), а в 1935 г. – в местность «Голодная степь» Узбекистана.

Практиковавшаяся еще с конца 1920-х гг. административная высылка «неблагонадежных» граждан, помимо ограничения прав самого высланного, ввергала в статус лишенцев и всех членов его семьи. Так, обсуждая решение Президиума аулсовета с. Джазлык от 19.11.1932 г., вернувшего избирательные права семье раскулаченного и высланного эфенди Г. Батчаева (*жене Хабибат и дочерям Халимат и Аминат – Т.А.*), оргтройка при облисполкоме КАО, вопреки здравому смыслу, решила: «Ввиду того, что отец последних – Батчаев Гитче служил эфендием, в настоящее время находится в ссылке, имущество последнего осталось в пользу дочери, которая пользуется им сейчас, поэтому указанное

постановление совета аула Джазлык – отменить, оставив их в списке лишенцев» [6]. Нет нужды говорить о мизерности того имущества, которое могло остаться у высланного эфенди.

Рассматривая схожую ситуацию с женой эфенди А. Лайпанова из с. Новый Карачай, оргтройка приняла оригинальное постановление: «Лайпанова Хаджар является женой эфенди Лайпанова Аюба, который умер в 1932 году 14 октября. Но имущество, нажитое этим эфендием, осталось в пользу жены и его семьи, которая *воспитывалась в духе отца (курсив наш – Т.А.)*, поэтому в просьбе отказать, оставив в списке лишенцев» [7]. Тем самым, в вину семье вменялось не только использование материального наследства отца, но и его духовное наследие – воспитание и религиозное просвещение, юридически свободное в СССР.

Иногда сторонники классовой чистоты в своем рвении переходили все мыслимые пределы. Так, одной жительнице Зеленчукского района был приписан батрак – 80-летний старик (!), вследствие чего она была лишена избирательных прав [8]. В этом же районе произошел анекдотичный случай, когда житель с. Архыз М. Лепшоков стал лишенцем за использование батрака Х-ва (*из этических соображений фамилия не указывается – Т.А.*), при том, что, согласно материалам дела, данный батрак имел больше овец (43 головы), чем отнесенный к явно кулацким хозяйствам Лепшоков (29 голов). Данное обстоятельство, явно свидетельствовавшее о том, что Х-в был не батраком, а кошевым товарищем Лепшокова, не помешало местному и районному избиркому внести его в списки лишенцев [9].

Одним из важнейших последствий «лишенчества» было ограничение в правах наряду с главой всех членов семьи. В отношении подрастающего поколения это

проявлялось в лишении права на получение среднего специального и высшего образования, в запрещении принимать их в ряды пионеров и комсомольцев и других общественных организаций. Учитывая, что именно подобные структуры являлись своеобразными «социальными лифтами» для граждан СССР, нетрудно представить все последствия данной дискриминационной меры, отлучавшей семьи лишенцев от возможности занять более-менее значимое место в советском обществе.

Как вспоминали дети лишенцев, подобная практика имела место в Карачае. Так, К.Б. Хубиева-Крымшамхалова (1922–2009), уроженка курорта Теберда, вспоминала, что членов ее семьи не принимали в пионеры и комсомол. Когда же старшие сестры в начале 1930-х гг. поступили учиться на рабфак в административном центре Карачаевской АО городе Микоян-Шахаре, то вскоре после начала учебы они были отчислены с формулировкой «как чуждые элементы, дети лишенцев» [10]. Виной тому было не столько социальное положение семьи, сколько ее происхождение. Крымшамхаловы являлись наиболее влиятельным княжеским родом в Карачае и правили регионом до вхождения в состав Российской империи.

Подобная же участь ждала и школьников старших классов. И.Ч. Байчоров (1916 г.р.), уроженец с. Тебердинского, свидетельствовал о том, что он, как и его братья и сестры, подвергались в школе постоянным унижениям как дети «лишонов» (*карачаевская транскрипция слова «лишенец» – Т.А.*). Причиной внесения семья Байчоровых в список лишенцев были доставшиеся в наследство от деда (*офицера царской армии, основателя Тебердинского селения Ожая-хаджи Байчорова – Т.А.*) земельные угодья. Полученные им за верную службу российскому государству

300 десятин впоследствии были разделены между его 4 сыновьями, а в дальнейшем и между внуками. Учитывая традиционную многодетность горских семей того времени (*у И.Ч. Байчорова было два брата и шесть сестер – Т.А.*), нетрудно представить, что подушевой земельный надел не превышал в их хозяйствах трудовой нормы даже по советскому законодательству. Тем не менее, практически все потомки О. Байчорова, в том числе и те, кто работал в органах власти и советских учреждениях, регулярно лишались избирательных прав и были вынуждены доказывать свою лояльность режиму снова и снова. И.Ч. Байчоров, отстраненный от учебы в старших классах Тебердинской НСШ, пытался поступить в сельхозтехникум. Однако он и туда не был принят в связи с письмом из сельского совета, обвинявшего его в самовольном уходе из села. По той же причине, несмотря на недобор, он не был принят на учебу в педагогический техникум. Не призвали его и на военную службу, так как «лишенцы» считались «недостойными» служить в действующей армии и зачислялись лишь в тыловое ополчение [11].

Отказано было детям лишенцев и в той незначительной социальной помощи, которая поступала в местные школы в конце 1920-х гг. Об этом свидетельствует Л.К. Чотчаева (1919–2005), дочь лишенца (*владельца дачи – Т.А.*) из с. Курорт-Теберда. Она вспоминала один эпизод: когда всем детям в ее классе раздавались присланные из областного центра детские полшубки, ей и Бекмырзе Крымшамхалову (*сыну расстрелянного князя, царского и белого офицера – Т.А.*) как детям лишенцев они не достались. Кроме того, некоторые педагоги специально натравливали на них детей из «правильных» семей, тем самым провоцируя конфликты в детской среде [12]. Нет нужды говорить о том уроне для детской психики,

который наносили подобные проявления социальной сегрегации в стране, официально именуемой «страной равных возможностей».

Ограничение для выходцев из семьи лишенцев на поступление в вузы и техникумы было отменено лишь за год до принятия новой советской Конституции 1936 г. Последняя положила конец практике лишения прав по социальному признаку. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29.12.1935 г. предписывалось «отменить установленные при допущении к испытаниям и при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей» в связи с тем, что «в настоящее время это ограничение не вызывается необходимостью» [13].

Помимо социально-экономических и правовых последствий, которое несло с собой лишение избирательных прав, оно имело разрушительное воздействие на социально-психологическое здоровье горского общества, размывало его нравственные устои. Формирование в традиционно свободолюбивом карачаевском социуме атмосферы всеобщей подозрительности и доносительства, расслоение по социальным стратам нового советского образца, проведение в жизнь лозунга «Кто был никем, тот станет всем!» – все это крайне отрицательно сказалось на духовном развитии народа.

Постоянный психологический прессинг, общественный остракизм, полная потеря социального статуса, экономический крах – все это было крайне болезненно для состоятельных горцев, эфенди и представителей аристократии. Репрессии вынуждали их переходить от глухого недовольства существующим режимом к открытому сопротивлению, наиболее ярким свидетельством чего стало антисоветское восстание в марте 1930 г.

Одним из важнейших в данном смысле негативных последствий политики лишения права стало явление, которое условно можно назвать «отказничеством». Связано оно было с положением, по которому с 1926 г. внесение в списки лишенцев главы семьи (*мужа, отца, брата – Т.А.*) автоматически вело к применению всех возникающих правовых ограничений также в отношении всех членов его семьи, находящихся на его иждивении.

Абсолютно не учитывая специфику горских семей, когда в одном дворе могли жить семьи нескольких взрослых братьев, имевших свою долю в общем хозяйстве, избиркомы различного уровня, применяя буквально данные нормы избирательного права и лишая прав старшего брата, автоматически вносили в список его иждивенцев младших братьев. И это несмотря на то, что возраст братьев мог достигать 40–50 лет. Подобные недостатки в работе избирательных комиссий отмечались как на региональном, так и на всесоюзном уровне. В своем предписании о составлении списков лишенцев аульным избиркомам Карачаевский облисполком настаивал: «...при перечислении имен и фамилий основных лишенцев и находящихся на их иждивении родственников, необходимо обязательно указывать их родственное отношение друг к другу, т.е. отец, мать, брат, сын, дочь, сноха и проч., а также необходимо **обязательно (выделено в документе – Т.А.)** указывать – являются ли они действительными фактическими иждивенцами основного лишенца. На выполнении этого последнего пункта Облик особенно настаивает, т.к. неоднократно в практике прошлых лет замечались случаи, когда по отцу-лишенцу в списки лишенных заносятся неправильно **все его родственники (выделено в документе – Т.А.)** (сыновья и проч.), которые фактически не являются его иждивенцами и давно живут отдельно

или ведут самостоятельное хозяйство и никакого отношения экономического к отцу не имеют» [14].

Впрочем, если разделение по отдельным семьям взрослых братьев было экономически невыгодно, но вполне приемлемо, то гораздо более болезненно проходил данный процесс в малых семьях, где глава лишался прав. Пытаясь уберечь себя и детей от участи лишенца, женщины-горянки подавали на развод, тем самым де-юре лишаясь поддержки мужа. Явление это, малохарактерное для традиционного горского общества, несмотря на причины, его вызвавшие, редко находило понимание и не приветствовалось. Тем не менее, горянки были вынуждены идти на этот шаг. Обратившись к одному из личных дел лишенцев, мы можем получить представление о складывавшейся в подобных случаях ситуации. Одна из таких горянок Сафият Б-ва, супруг которой был обвинен в организации мартовского восстания 1930 г., писала в областной избирком: «Как известно облисполкому, в 1930 г. мой муж был участником восстания, за что осужден и отбывает наказание. В его преступлении я не принимала никакого участия, в это время я находилась в больнице тяжело больной. С мужем я тогда же развелась, и между нами абсолютно нет никакого намека на какую-либо связь. Вот уже седьмой год я веду трудовой образ жизни, зарабатывая себе хлеб работой по-денно у людей, стиркой белья и т.д. Отношение к советской власти всей нашей семьи было самым лояльным и, начиная с 1918 г., за нашей семьей твердо закрепилась кличка «большевистской». Перечислив обстоятельства дела, Б-ва констатировала: «Несмотря на все это и мои неоднократные жалобы, несправедливость по отношению ко мне продолжается уже седьмой год». И тут же задавала вполне резонный вопрос облизбиркому: «Чем я виновата, что бывший муж совершил

уголовное преступление, в котором я ни на йоту не виновата? Какое основание к лишению меня избирательных прав?». После чего в заявлении был задан довольно смелый риторический вопрос «Не объясняется ли это не чутким, формально-бюрократическим отношением к человеческой личности и ее политическим правам?» [15]. Отметим, что решение о восстановлении в правах С. Б-вой было принято лишь на уровне ВЦИК 4.05.1936 г. (*за семь месяцев до принятия Конституции 1936 г. – Т.А.*) [16].

Жесткость самой политики лишения прав и сопутствующих ограничений усугублялась и массовыми ошибками, которыми характеризовалась работа избирательных комиссий на местах. Несмотря на указанные в соответствующих инструкциях сроки рассмотрения жалоб и обращений лиц, внесенных в списки лишенцев, сельские и окружные комиссии нередко нарушали их, тем самым обрекая фигурантов дел на пребывание в дискриминационном статусе со всеми сопутствующими последствиями. В своем предписании «Всем аулсоветам КАО», датированном 17.07.1932 г., Облисполком КАО констатировал сложившуюся ситуацию: «За последнее время все аулсоветы направляют своих граждан, лишенных избирательных прав, за 30–40 верст и более в область (*облисполком – Т.А.*) за получением справок и подачи заявлений. Такое положение ненормально или, вернее сказать, что аулсоветы не знают своего значения и не могут детально разъяснить своим гражданам о порядке подачи жалобы и получения справок лишенных избирательных прав, а наоборот способствуют этому и приводят в заблуждение граждан своего аула. Облизбирком разъясняет, что в дальнейшем справки облизбиркомом выдаваться не будут, а поданные заявления без заключения президиума совета также облизбиркомом рассматриваться не

будут. Ввиду того, что аулизбиркомы ликвидированы, все жалобы лишенных избирательных прав рассматривает Президиум аулсовета и со своим постановлением направляет в облизбирком» [17].

В процессе составления списков лишенцев нередкими были случаи злоупотреблений со стороны членов аульских избиркомов, получения взяток от заинтересованных граждан и т.д. В то же время отмечались попытки сведения личных счетов членов избиркомов с односельчанами путем лишения того или иного гражданина избирательных прав.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в Карачае, так же как и в других регионах, лишение избирательных прав являлось для граждан крайне жесткой репрессивной мерой, хотя и формально носящей административный характер.

Руководствуясь указаниями центральных органов партии и правительства, региональные власти проводили активную борьбу с «неблагонадежными» лицами в автономии. Лишение права голоса влекло за собой снятие с работы, запрет на занятие должностей в любых государственных органах. Разорение наиболее экономически активной и зажиточной части горского населения приводило к её ожесточению, к переходу к активным формам сопротивления советской власти.

В особо тяжелое положение попадали семьи, главы которых подвергались уголовным преследованиям

(аресту, ссылке, расстрелу). В условиях ограниченных возможностей применения женского труда, отсутствия промышленных предприятий и большого количества учреждений, члены таких семейств оказывались лишенными элементарных средств к существованию. Положение лишенцев усугублялось слабой профессиональной подготовкой членов аулсовета и, соответственно, местных избиркомов, которые часто вносили в дискриминационные списки лиц, не подпадавших под данные ограничения. Во многом это обуславливалось противоречивостью и частыми изменениями поступающих из центра выборных инструкций. Кроме того, специфика горского скотоводческого хозяйства мало учитывалась в правовых нормах, что приводило к включению в списки лишенцев трудовых горцев.

Политика лишения прав одной группы населения в наказание за его социальное положение, сословную принадлежность и профессиональную деятельность породила в горском обществе несвойственную ему атмосферу страха, ненависти и подозрительности, заложила основу для эпохи массового доносителства в период репрессий 1937–1938 гг. Тем самым был нанесен большой урон традиционной социальной и ментально-психологической культуре карачаевского этноса. Последствия принятых в 1920–30-х гг. мер по социальной дискриминации сказываются в карачаевском обществе до сих пор.

Примечания:

1. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1981. Т. 34. С. 289–339.
2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.03.2015).
3. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее – ГА КЧР). Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
4. ГА КЧР. Ф. Р-246. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
5. ГА КЧР. Ф. Р-246. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
6. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 77. Л. 16.
7. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.
8. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.

9. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 77. Л. 19.
10. Архив Карачаевского научно-исследовательского института (далее АКНИИ). Ф. 15. Оп. 1. Кас. 11.
11. Джаубаева А. Но в этом мире все возвращается по кругу... // День республики. Черкесск, 2011. 8 окт.
12. АКНИИ. Ф. 15. Оп. 1. Кас. 14.
13. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info> (дата обращения 10.03.2015).
14. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 50. Л. 67.
15. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 412. Л. 8-9.
16. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 412. Л. 10.
17. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 50. Л. 55.

References:

1. Lenin V.I. Can the Bolsheviks retain state power? // Complete collection of works. – М.: Publishing house of political literature, 1981. V. 34. P. 289-339.
2. <http://www.consultant.ru> (the date of address: 03/10/2015).
3. The State Archives of Karachay-Cherkess Republic (hereinafter – GA KChR). F. R-346. Op. 1. D. 7. L. 12.
4. GA KChR. F. R-246. Op. 1. D. 6. L. 34.
5. GA KChR. F. R-246. Op. 1. D. 6. L. 34.
6. GA KChR. F.R-307. Op. 1. D. 77. L. 16.
7. GA KChR. F.R-307. Op. 1. D. 77. L. 18.
8. GA KChR. F.R-307. Op. 1. D. 77. L. 17.
9. GA KChR. F.R-307. Op. 1. D. 77. L. 19.
10. The Archives of Karachay Research Institute (hereinafter AKNIИ). F. 15. Op. 1. Kas. 11.
11. Dzhaubaeva A. But in this world everything is back in a circle ... // The Republic Day. Cherkessk, 8 October 2011.
12. AKNIИ. F. 15. Op.1. Kas. 14.
13. <http://istmat.info> (the date of address: 03/10/2015)
14. GA KChR. F. R-307. Op. 1. D. 50. L. 67.
15. GA KChR. F. R-307. Op. 2. D. 412. L. 8-9.
16. GA KChR. F. R-307. Op. 2. D. 412. L. 10.
17. GA KChR. F.R-307. Op. 1. D. 50. L. 55.